

P29р

Г96

Евгений Гусев

Купола Богоявления

Р29р
Г96

Посвящается 1000-летию города Ярославля

Евгений Гусев

«Да, и такой, моя Россия,
Ты всех краёв дороже мне».

Александр БЛОК

Купола Богоявления

Поэма

Издательство

•ЛИЯ•

Ярославль

2006

Муниципальное учреждение культуры
"Централизованная библиотечная
система города Ярославля"

- 148024 - 2

ЖИЗНЬ, СУДЬБА, ЛЮБОВЬ

Один поэт в предисловии к своей книге сказал: «А что касается биографии, то она в стихах». Так же может сказать о своём творчестве и Евгений Гусев, рукопись которого сейчас лежит передо мной.

*Отец – в солдатской гимнастёрке,
На маме – кофточка в реглан,
А там, за ними, на пригорке
Стоит вихрастый мальчуган.*

Так вот оно, деревенское детство. Колодезь с ведёрком на цепи. Отец, ещё не снявший фронтовой гимнастёрки, скромно одетая мать. Здесь и сельская школа, и закадычные дружки, и, конечно же, мальчишеские проказы:

*Турнепс с чужого огорода
Казался слаще своего.*

Но поэзия Гусева – не только биографические страницы. Сквозь строки и четверостишия проглядывает и характер поэта – общительный, искренний и прямой. И самое главное, что вызывает симпатию к Евгению Гусеву, это его неиссякаемое чувство благодарности к своим творческим учителям:

*Летели дни, я постепенно
Вникал в «святое ремесло»...
Хочу признаться откровенно –
С учителями повезло.*

А своими учителями Евгений Гусев в первую очередь избрал Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Трефолева, своих современников Евгения Савинова и Вячеслава Рымашевского, ныне здравствующего Ивана Алексеевича Смирнова. И посвятил им прочувствованные стихи. Примечательно то, что в этих стихах поэты сходят со своих классических пьедесталов и становятся простыми и доступными людьми. С ними можно разговаривать, как с близкими друзьями. Уважительно и в то же время непринуждённо. Вот как, например, с Некрасовым:

*Вы, Николай Алексеевич, здешнего,
Нашего склада ума и души.
Ax, как писалось в Карабихе, в Грешневе,
В этих оазисах русской глупши!*

Есть в рукописи немало мест, где Гусев показывает себя и тонким юмористом, и непримиримым сатириком, без промаха посылающим стрелы в зазнайство, тупость и фальшь. Но больше у него, конечно, проникновенной лирики, покоряющей своей исповедальностью и незатейливостью.

Надо отметить, что творческий диапазон Евгения Гусева весьма широк. Не только литераторы находят место в его стихах, но и художники - от великого Ван Гога до ярославских мастеров Олега Отрошко, Владимира Багдасарьяна и Юрия Арутюнова.

Целый цикл в сборнике поэт посвящает Её Величеству Любви. У Гусева любовь бескорыстна. В ней нет недоговорок и ухищрений. Она реальна. Поэт доверчив и откровенен. Он абсолютно открыт и честен в своих чувствах, мыслях, в отношении к женщине и самому себе. Подчас стихи напоминают пачку интимных писем, где автор говорит о самых счастливых и печальных часах своей жизни. Может быть, некоторые строчки покажутся банальными, но вы вчитайтесь в них и сразу ощутите глубину и неподдельность чувства.

*Стынет осень. Бабье лето
Провожаю не скорбя.
Третий месяц ни ответа,
Ни привета от тебя.
Александра Кочеткова
Не читаю, гложет стыд.
На дверях моих подкова
Вверх тормашками висит.*

Но вернёмся к главной теме поэта, которая по существу и открывает сборник. Мы приберегли её, чтобы поговорить о ней подробнее. Ведь это – стихи о Родине, о России. Их пафос насыщен внутренней силой, верой и гордостью. В первую очередь, это стихи о Ярославле. Поэт как бы перебрасывает мостик из прошлого в сегодняшний день. И первая глава книги – это признание в любви, это песнь, это

Жизнь, судьба, любовь

радостный гимн родному городу. Гимн, который читаешь и слушаешь с душевным трепетом, поскольку написан мастерски, на высоком художественном уровне.

*O, древний град! O, город юный!
Ты красоты и мощи сплав.
Тебя под гуллей голос струнный
Воздвиг на Волге Ярослав.*

Стихи Евгения Гусева лишены модернистских выкрутасов. Он работает в традиционной некрасовской манере, следуя классической форме русского стихосложения. К его творчеству в полной мере применимы слова Твардовского: «Вот – стихи, а всё понятно, Всё на русском языке». Хотя надо сказать, что пишет Гусев по-своему. У него свой голос, своё видение мира. Свои личные вкусы и пристрастия. Конечно, у него, как у всех нас пишущих, имеются свои ограхи и ошибки. Но они сглаживаются полностью и звучностью языка, уходящего корнями в родную речь. А её-то Евгений Гусев знает в совершенстве, как поэт, вышедший из народных глубин.

**Владимир ЛЕБЕДЕВ,
член Союза писателей России**

Глава I

*«Нет, не с пролитой крови
начат город, -
С улыбки начался
Ярославль!»*

Евгений САВИНОВ

ГОРОД

О, древний град! О, город юный!
Ты красоты и мощи сплав,
Тебя под гуслей голос струнный
Воздвиг на Волге Ярослав.

Тебе, тебе с лесной опушки
Уже вторую тыщу лет
Звонкоголосые кукушки
Шлют свой бесхитростный привет.

Ты мой форпост, моя обитель,
Где негасим и ярок свет,
Я твой солдат, твой покровитель,
Твой летописец и поэт.

Евгений ГУСЕВ

И пусть я родом из деревни,
Но заявить сегодня рад:
Люблю тебя, мой город древний,
Люблю тебя, мой юный град!

Люблю тебя без глупой лести
За непокорную главу,
За то, что мы с тобою вместе
В тревожных снах и наяву.

Люблю за храм Ильи Пророка,
За церковь Спас-на-городу,
За то, что мне простил до срока
Грехопадений череду.

За купола Богоявленья
Люблю тебя, мой город-храм,
За первое стихотворенье
И на душе последний шрам.

Я не любить тебя не в силах,
Здесь мой театр, мой институт,
Здесь на родительских могилах
Цветы неяркие цветут.

Я знаю, самым высшим саном
Вознаградит тебя судьба...
Медведь-защитник с протазаном
Глядит уверенно с герба.

Стою под Знаменскою башней, –
Песчинка, слабый человек, –
И вижу новь и день вчерашний,
Грядущий век, и прошлый век.

Отсюда, с этого Монмартра,
С киосков, с выставки картин
Ты раскрываешься, как карта,
Мой светлый город-исполин.

Твои теснины и просторы
Я знаю все наперечет.
И день, и ночь под светофоры
Река машинная течет.

Люблю смотреть на эти реки,
На их стальной водоворот...
А вот от Власьевской аптеки
Иван Захарович идет.

– Взираешь, как на инородца! –
Весь облик Сурикова строг.
– А что, «Рябина»-то поется?
– Поется, как же!
– Дай-то Бог!

Пожали мы друг другу длани
И разошлись, – гуляй душа...
Навстречу, видимо, из бани
Идёт мужчина не спеша.

Подходит. Трефолев? Конечно! –
Минут, примерно, через пять
Мы попрощались. Он неспешно
Пошел «Дубинушку» писать.

Вдруг слышу речь: – Без выкрутасов
Глаголом надо жечь сердца!..
Неужто – он? Ну да – Некрасов,
Журит какого-то юнца.

– Изведать надо быт крестьянский!..
Тут я заметил четверых:
Сурков, Ошанин, Марк Лисянский,
И с ними Маша Петровых.

Глаза печальны, лица строги,
В упор вопросы задают:
– Ну, как «Землянка»? Как «Дороги»?
А «Гимн Москвы» ещё поют?

Я заявил, что в юбилее
Родного града каждый день
Их будут петь, – повеселели,
Сошла с великих ликов тень.

Зашел в кафе, там – братский ужин, –
И вновь известных земляков
Я вижу: Волков, Опекушин,
Толбухин, Блюхер, Ушаков.

Подходит Валя Терешкова,
Ей непривычно быть одной:
– Друзья, бокал поднять готова
За вас и город наш родной!..

Спустилась тьма на древний город,
В мой юный город ночь пришла.
За воротник прокрался холод...
– О, как мне эта ночь мила!

Савинов!

– Здравствуйте, дружище!
Уж извините старика,
Через опушки и огнища
Я шёл сюда издалека.

Всё дело в том, что здесь девчонка
Жила когда-то, и она,
Как ярославская сторонка,
Была красива и стройна.

Ты спой мне, тёзка, песню эту,
А я подпеть тебе готов, –
Поэту, русскому поэту
Нельзя без песен и стихов!..

Мы разошлись часа в четыре –
На пару дней? На год? На век?
Мне стало жаль, что в этом мире
Так хрупок телом человек.

И вдруг на северо-востоке
На чутко спящие поля
Златые брызнули потоки,
И улыбнулась им земля.

И я увидел весь свой город,
Увидел, словно первый раз,
Как он величественен, молод,
Красив и в профиль, и анфас.

И почему-то вспомнил детство –
Стога, колодезный журавль...
Всего одно лишь знаю средство
От всех невзгод – мой Ярославль!

Глава II

*«Если есть где-то
сердце России,
То стучит оно здесь
испокон»*

Владимир ЖУКОВ

ДЕТСТВО

Я в этой жизни все приемлю:
Жару и холод, тьму и свет,
Цветы и камни, небо, землю...
Мне завтра – сорок девять лет.

Когда последней шаткой сходней
Пойду, – сгребу остатки сил
И буду этот мир господний
Благодарить за то, что жил.

Перекрещусь на город древний,
На Параскеву, на Илью.
Последний раз пройду деревней,
Воды колодезной попью.

Перекрещусь три раза кряду
На летний дождик, на мороз,
И на могильную ограду
У трёх задумчивых берёз.

Я удержу сознанием слезы,
Но сердцем слез не удержать...
У той, что выше всех, берёзы
Я вижу вновь отца и мать.

Отец – в солдатской гимнастерке,
На маме – кофточка в реглан.
А там, за ними, на пригорке
Стоит вихрастый мальчуган...

Да, были старые часовни,
Напоминавшие калек,
И сеном пахнущие дровни,
И в дёгте ступицы телег.

Был долгий путь за керосином,
Был финский ножик на ремне,
Стрельба из лука за овином,
И игры в жесткую на гумне.

Я помню всё: как спозаранку
Бежал вприпрыжку к пастухам,
Как с дядькой Мишой драли дранку,
Как стригли шпоры петухам.

Как в пасху пьяная бабёнка
С забавным именем Фома
Так напоила поросёнка,
Что напугалась и сама.

Потом смеялись больше года, --
Так ведь и было отчего...
Турнепс с чужого огорода
Казался слаше своего.

На Спасов день и на Успенье,
На Троицу и на Покров
Поры военной поколенье
Больших наламывало дров.

Дрались, чем попадя, ребята:
Кто пряжкой жахнет, кто колом,
Кто длинной ручкой от ухватата,
Кто цепь возьмет, а кто и лом.

Подравшись, пили самогонку,
Курили крепкий самосад.
Однажды мне, еще ребёнку,
Налили граммов пятьдесят.

Два дня крутило и вертело,
Болел от вывертов живот.
Отец сказал: «Питьё – не дело,
И до добра не доведёт!»

А был Покров, мой день рождения.
Когда утихла муторня,
Пришло под вечер сообщенье,
Так удивившее меня.

Иван Михайлович Опарин,
Ветврач, сказал, даря цветы:
«В один день с Лермонтовым, парень,
Имеешь честь родиться ты!»...

А дни, как ангельские птицы,
Летели, крыльями шурша.
И стала рваться за границы
Родных полей моя душа.

Меня вперед толкали ветры,
Летящие с седых морей,
И расступались километры
Вокруг провинции моей.

До слез любил я «поголовье»
Коров, телят, овец и коз.
А лес любил такой любовью,
Что целовал стволы берез.

Любил умчаться за грибами
В свои заветные места,
Налимов голыми руками
Ловил у старого моста.

Я бегал в школу на уроки
За пополнением ума
Под стрёкот взбалмошной сороки,
Которой кличку дал – Кума.

Я приближался к ней с частушкой,
Где мне хотелось полетать,
Она была моей подружкой
И в снег, и в дождь, и в тишину да гладь.

Что – девять лет? –
совсем мальчишка,
По всем параметрам – малец,
Но одноствольное ружьишко
Уже доверил мне отец.

И я чуть свет с собакой Люткой,
Покинув душный сеновал,
Ходил за зайцем и за уткой,
Но только «ноги убивал».

Зимой однажды встретил волка,
От страха – двинуться не мог,
Забыв, что рядом одностволка,
Потом – в деревню со всех ног.

Десятилетним мальчуганом
Я всей округе был знаком, –
Не стал отпетым хулиганом,
Но слыл большим озорником.

«Опять пошел, как черт по бочкам! –
Бранилась мать. – Запру в подвал!»
Зато учительским сыночком
Меня никто не называл.

Тонул, но спас какой-то парень...
Я помню тот печальный год:
В апреле – в космосе Гагарин,
А в мае – полный разворот.

«Мы едем в город... Жить...
Так надо!»...

Прощай, колодезный журавль,
Прощайте лес, поля и стадо,
Я уезжаю в Ярославль!

Прощайте, клёны и берёзы,
Прощайте, школа и река,
Свои непролитые слезы
Не покажу я вам пока!

Прощай, сорока-белобока, –
Другой мальчишка через год,
Сбежав с последнего урока,
Тебе частушку пропоёт!

А я вернусь ещё, приеду,
На все вопросы дам ответ!
...В Покров, пятнадцатого, в среду
Мне стукнет сорок девять лет!

Глава III

*«Не знаю сам,
что буду петь,
но песня зреет...»
А.ФЕТ*

ТВОРЧЕСТВО

Читатель мой добросердечный!
Над лошадьми расправив плеть,
Я мчал по жизни быстротечной,
Желая многое успеть.

Моя дороженька в начале
Была спокойна и светла,
Но утолить тоски-печали
Она, такая, не могла.

И понесло меня, как щепку,
Среди теснин, ущелий, гор.
Но, наконец, побитый крепко,
Я все же выплыл на простор.

И, обхватив башку руками,
Поникнув ею ниже плеч,
Вдруг ощутил, что лишь стихами
Смогу я душу уберечь.

Я погрузился в поиск слова,
Явив настойчивость и прыть,
Но Ольга Павловна Крылова
Не позволяла воспарить.

И всё же творческие силы
Мне всколыхнула не она, —
Та — оттащила от могилы,
Отбив у водки и вина.

Я шёл неведомой дорогой,
Искал свой жанр, манеру, стиль
И видел, как мой стих убогий
Летит в редакциях в утиль.

Я рисовал в стихах овины,
Стога и золото осин,
Но вовсе не было причины
Воскликнуть: «Ай да сукин сын!»

От оплеух, шлепков и ссадин
Я не сломался, не угас,
И постепенно путь был найден –
Через Голгофу на Парнас.

Парнас в тумане и поныне,
Зато Голгофа позади.
И устремив свой взор к вершине,
Я приказал себе: иди!

Летели дни, я постепенно
Вникал в «святое ремесло»...
Хочу признаться откровенно –
С учителями повезло.

Не утаю, имел уроки
От зубоскалов-поваров,
Вовсю советовавших строки
Печь на подобие блинов.

И не прошла их школа даром:
Примерно, год, а то и два
Считал коммерческим товаром
Святые русские слова.

Евгений ГУСЕВ

Кому не лень, мне рвали шкуру,
Плевали сзади на сюртук,
А я играл в литературу,
Не замечая стрел вокруг.

Я ловко плёл венки сонетов,
Но был весьма большой сюрприз,
Когда на конкурсе поэтов
Завоевал я первый приз.

Я был подобен скалолазу,
Одолевающему склон.
Слагались вирши по заказу –
От свадеб и до похорон,

От рядовых до генералов,
От мэров и до слесарей, –
Не жизнь, а штурм в
двенадцать баллов
В одном из северных морей.

Порою душу с потрохами
Штурмяга этот вытрясал,
Но «паровозики» стихами
Я никогда не называл.

Я помню трепет и волненье,
Когда, родив двенадцать строк,
Вдруг понял: это – вдохновенье,
И ниспослал его мне Бог.

Поосмелев, расправив плечи,
Я резво двинулся в народ:
Концерты, творческие встречи,
Восьмое марта, Новый год...

Я шел на эти выступленья
С большой охотой каждый раз.
И взлеты были, и паденья,
И был от творчества отказ.

В одном салоне на «пятёрке»
От уважаемых гостей
Подвергся я такой литпорке,
Что нынче слышу свист плетей...

Слетали гонор, самомненье,
Крикливость, спесь, тщеславный
зуд, –
Я понял, что стихосложение –
Не развлечение, а труд.

Боязнь студийных микрофонов
Тактично, вежливо помог
Преодолеть А.П.Платонов –
Эфирный ас и Педагог.

Но я был, в сущности, мальчишкой,
Весьма уверенным в себе,
Поскольку с каждой новой книжкой
Ждал изменения в судьбе.

Но ничего не изменялось,
Все также день сменяла ночь...
Тоску, отчаянье, усталость,
Не подпуская, гнал я прочь.

Однажды, как бы ненароком,
Один талантливый худрук
Сказал: «Не тщитесь быть пророком
В своем отечестве, мой друг!»

Остыв немножко на морозе
Той мудрой фразы худрука,
Я посвятил полгода прозе,
Пока не дрогнула рука.

Пока поэзии богини
Не посетили вновь меня.
И я зажег дрова в камине,
И мы присели у огня.

И поклялись всегда быть вместе,
Не разлучаться и тогда,
Когда девятым валом мести,
Сметая всё, придет беда.

Или когда хула с наветом
Затмят собою белый свет,
Я поспешу к ним за советом
И мне они не скажут «нет».

Я заявил, что нашим узам
Ничто на свете не грозит.
А раскуражившимся музам
Поставил, так сказать, на вид.

Напомнил им о дисциплине,
О том, что можно, что нельзя...
Я полагаю, что отныне
Мы неразлучные друзья!..

Глава IV

СОН

*«...и скажет Лермонтов тебе у входа:
«Вы меня поняли, как никто...»*

Е.ЕВТУШЕНКО

Стою один на остановке,
Как мистер Армстронг на Луне,
И вдруг в замурзанной спецовке
Подходит... Лермонтов ко мне.

От удивленья и волненья
Я онемел, а он изрёк:
— У нас ведь завтра день рождения,
Купить бы надо пузырёк!

Он начал хлопать по карманам,
Ругая власть, автобус, ночь,
Затем сказал: — А не пора нам
Пройтись немножко? Ты не прочь?..

Шагаем бодро по Свободе –
Аптека, цирк, универсам...
– Вот мой Евгений на свободе! –
Смеется Лермонтов, а сам

Спешит к железному киоску,
Берет вина: – Для куражу!
Сегодня в стельку буду, в доску!
А ты поддержишь?
– Поддержу!..

Заходим в дом, квартира – «двушка»,
На стенах – шашки, мундштуки,
В углу – персидская подушка...
– Что, нагулялись, мужики?

Как с неба – юная бабенка,
Причем – красавица, из прим.
И вновь поэт смеётся звонко:
– Мой шестикрылый Серафим!

Сидим втроём, трещат поленья,
Камин-очаг наводит грусть.
– Я ваши все стихотворенья
С рожденья знаю наизусть!

– Читать не надобно сегодня! –
Сказал хозяин, хмуря глаз.
– На всё есть волюшка господня,
Не до поэзии сейчас!

Я не боец, рожден не хватом,
Мне трудно спорить с веком зла.
Вчера один редактор матом
Послал... Такие вот дела!

– Что вы сказали? Матом? Вас?
Тогда скорее одеваться!
Сию минуту, сей же час –
На Богдановича, шестнадцать!

Поэт остался недвижим,
Лишь улыбнулся чуть устало,
А «шестикрылый Серафим»
Вздохнула так, что сердце сжало.

Поэт – конфузливо: – Нет-нет,
Я не обиделся, но все же
С веселым именем Поэт
Нельзя расстаться нам, не гоже!

Ведь лишь ему Всевышний дал
Беречь, спасать людские души...
Но жлоб взошёл на пьедестал
Над всей шестою частью суши.

Я у-ста-рел!.. А молодёжь
Меня давно уже забыла...
Нет, на стихи не проживёшь! –
Опять смеётся:
– В плавках сила! –

Металлургический гигант
Мне стал Голгофой и Парнасом,
Ну, а за творческий талант
Не купишь даже хлеба с квасом!

– Товарищ Лермонтов, эх вы! –
Реву, как барс в горах Тибета.
– Вы стали жертвою молвы,
Восстаньте против мнений света!

Смелей, я тоже офицер,
Мы завтра ваши все проблемы...
– Да не могу я про трансферт
И про секвестр слагать поэмы!..

Ну что тут скажешь – гений прав!
Встаю: – Но есть еще другое:
Есть плеск волны, есть шелест трав,
Есть Пушкин, Бах, Бетховен, Гойя...

При слове «Пушкин» – встал поэт,
И «Серафим» вскочила тоже.
– Уж два столетия, как нет,
А он все ближе и дороже!

Он залпом выпил свой стакан,
И загрустил, и стало видно,
Как он красив, как гибок стан,
И как... И как ему обидно!

– Налей-ка, Настенька, вина,
Пусть озарится новым светом...
– Голубчик, – молвила жена, –
Прошу закончить вас на этом!

– Прости, мон шер, я виноват,
Тогда возьми-ка мандолину
Да спой про розовый закат
И про безмолвную равнину.

Напомни, как кремнистый путь
Блестит в лучах звезды далёкой,
Ещё, мой ангел, не забудь
Нам спеть про парус одинокий.

Мы будем слушать в тишине
Твой голос нежный и хрустальный...
– Не по-ой, красавица, при мне
Ты пе-есен Грузии печальной...

– Ах, Пушкин, Пушкин!..
В этот миг
Меня толкнули резко в спину.
– О чем задумался, мужик? –
Спросил подвыпивший детина.

Неделикатный этот слон
Был в старой выцветшей спецовке.
...Ах, боже мой, какой был сон,
Осенний сон на остановке!

Глава V

*«Я возвращуся к вам,
поля моих отцов...»*
Е.БОРАТЫНСКИЙ

СТАРИКИ

Порвав с деревней пуповину,
Я полюбил другой простор,
Но городским наполовину
Себя считаю до сих пор.

Иду по улице Свободы –
Как будто Тойминой плыву,
Купил рубашку в Доме моды –
В такой бы мне ловить плотву.

Так и живу. Но половины,
Бывает, сходятся в одно,
Когда на риги да овины
Смотрю в вагонное окно...

А вот и станция. К платформе
Старик подходит не спеша:
– Ну, как делишки-то?
– Всё в норме!
– А похудел ты, мил-душа!

– Толстеть-то некогда, к тому же
Я по характеру спортсмен!
– Ну это, слышишь ты, и не хуже!
А как насчёт зарплаты, цен?

– Да цены – что, а вот зарплата...
– Но ты ещё ведь и поэт, –
В газете вижу – то стишата,
То книжку выпустил на свет!..

За любопытство дядьку Колю
Не осуждаю, через час
Наговорится старый вволю
И будет всё тип-топ у нас.

«Тип-топ» – такая приговорка
У дядьки Коли с давних лет.
...Дорога – змейкою с пригорка.
Вот и деревня. В окнах свет.

– Встречай пропавшего-то, Марья! –
С порога грянул Николай,
– Для поцелуев нынче стар я,
А ты уж, это, налетай!

Прижался телом к бабке Мане,
И слезы брызнули из глаз.

– А я уж думала – обманешь,
Не залетишь и в этот раз!

– Ну хватит, хватит, птичье племя,
Чего зазря мочить глаза! –
Старик, почесывая темя,
Присел в углу под образа.

Винишку оба были рады.
Дед Николай надел пиджак,
Где были все его награды.

– Стопарь-то хлопнешь, али как?..

Текут часы за разговором.

– Что в городу-то, много дел?
– Скажи-ка лучше, что с Трезором?
– На той неделе околел!

Хворал, бедняга, ровно сутки,
Потом преставился без мук.

– А кем приходится он Лютке...

Кем приходился то есть?

– Внук!

У бабки Мани взгляд печальный,
Дрожат и голос, и губа.

– Слыхала, будто ты начальник?

– Нет, баба Маня, не судьба!

– И слава богу, ну их к шуту,
Вон, поглядишь, так жуть берет...

– Не по тому ты, мать, маршруту
Людей уводишь от забот!

Дед Николай достал газету,
Потёртый выцветший кисет.

– Хотел, однако, бросить к лету,
Да силы воли, видно, нет!

– Тебе бы лучше бросить водку! —
У бабки Мани строгий вид.

– Нет, под ненастную погодку
Стопарь-другой не повредит!

— А как ты хошь на восемь тысяч
Прожить-то, старый ты нахал?..
Старик, огонь пытаясь высечь
Из зажигалки, проворчал:

— А, проживём, не то бывало,
Все будет, старая, тип-топ...
Ты принесла бы лучше сало,
А то жуём один укроп!..

Дед Николай, чадя махрою,
Достал пакет какой-то: — Слыши,
Сейчас секрет тебе открою,
Держись за то, на чём сидишь!

Смотрю на выцветшие снимки,
В свой пятьдесят девятый год:
Валерка, я, Алена, Димка —
Неунывающий народ.

— У Алки — трое ребятишек,
Валерка — в городе, завхоз,
Ты написал штук десять книжек,
А вот у Димки — перекос!

Не видел трезвым уж полгода,
Жену оставил, обормот,

С тех пор, как выгнали с завода,
Без перерыва пьет и пьет.

Вчера опять поставил брагу,
Да не удержится и дня...
– Устала я, пойду прилягу,
А вы уж тута без меня!

Перекрестив нас, бабка Маня
Ложится тихо на диван.
– Нет, надо жить не хулиганя,
Да не хвататься за стакан!..

Гляжу на дедовы медали,
Маршрут войны: Москва – Белград.
– Что, постелить на сеновале?
– Где не постелешь, буду рад!..

Угас, растаял день осенний,
Всё небо в звездном серебре.
Да, «Анну Снегину» Есенин
Писал, наверно, в сентябре.

Такой бодрящей душу силы
В другое время года нет.
В России, только лишь в России
Родиться мог такой поэт.

И забродили в сердце строки,
И запросились выйти вон...
...А может, не было сороки,
А то, что было, только сон?

Где сорванец с двумя вихрами,
Куда унёс его Пегас,
В каком подъезде или храме
Стоит он в этот поздний час?

Где ходит он по белу свету,
С кем говорит, с кем пьёт вино?..
Дороги к школе больше нету,
Поскольку школы нет давно.

Блестит под звездами бетонка,
Стоят безмолвно тополя.
Не спит родимая сторонка,
Болеет отчая земля.

И эта хворь родной землицы
Идёт за мной повсюду вслед.
– Стариk, а где мне помолиться?
– А прямо здесь! – ответил дед.

Глава VI

*«О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего сильнее губим,
Что сердцу нашему милей!»*

Ф. ТЮТЧЕВ

ЛЮБОВЬ

* * *

Тот настоятель в церкви Параскевы
Нам говорил, и прав был, как всегда,
Что мы с тобой озимые посевы,
И пережить придётся холода.

Но дуновенье ветра ледяного
Определило весь дальнейший путь...
Нам не начать дорогу эту снова,
Но и назад уже не повернуть...

* * *

Сжёг я все твои записки,
Горстка пепла на столе.
Ты была мне самым близким
Человеком на земле.

Ты была мне всех желанней,
Дочь моя, жена и мать.
Я не знал любви ранней,
Мог и поздней не узнать.

Ты при встрече спрячь смущенье,
Отвернись, махни рукой.
Вот и всё, на возвращенье
Нет надежды никакой.

Горстка пепла, томик Рильке,
Твой любимый шоколад,
И ещё... Ещё три шпильки
На столе моём лежат...

Утоли моя печали

Помнишь, как они кричали,
Улетая, журавли?
Утоли моя печали,
Дорогая, утоли.

Дай мне радости и силы
Сохранить задор и стать.
Церковь есть у нас в России,
Где нам надо побывать.

Говорят, ко храму божью
Поразмыли путь дожди, –
По любому бездорожью
Я приду, ты подожди.

Утоли моя печали,
Стань опорой и судьбой.
Попрошу, чтоб обвенчали
В светлом храме нас с тобой.

* * *

Ты – прехорошенькая дама,
И всё милей из года в год.
Бываешь, правда, зла, упрямая,
Но это, думаю, пройдёт.

Один поэт подметил «тонко»
За шумным дружеским столом,
Что ты обычная бабёнка,
С талантом, правда, и умом.

Я тонкость этого поэта
Тогда прервал: чудак ты, брат,
Она у нас – источник света,
Она алмаз во сто карат.

Она – Везувий, Ниагара,
Она – жара, она – мороз,
Она таким, как ты, не пара,
Таким, как я... другой вопрос.

Бабёнка? Женщина! Богиня!..
Терзая, мучая, любя
И ненавидя, помоги мне
Понять хоть чуточку тебя!..

Осеннее

Кто втянул, какою сетью
В этот омут-водоём?
Месяц, год или столетье
Были мы с тобой вдвоём?

Календарь тех дней листая,
Вспомнил, как на склоне дня
Улетала птичья стая,
За собой меня маня.

Пролететь придётся птицам
Через сто земных границ.
Без желания проститься
Я смотрел на белых птиц.

Ах, как мне хотелось с ними
Раствориться в синей мгле.
Но коротенькое имя
Оставляло на земле...

* * *

*«О, Господи, и это пережить,
И сердце на клочки не разорвалось».*
Ф.Тютчев

К финишу, беды суммируя,
Катится век скоростей.
Мы с тобой спутники, милая,
В сонме любовных страстей.

Ты для меня не попутчица,
Мысли о прошлом отбрось.
Вместе нам жить не получится,
Как, между прочим, и врозь.

Мы две планеты в галактике.
Где это было – во сне? –
В белом больничном халатике
Ты приходила ко мне.

Всё познаётся в сравнении.
С кем это было – со мной? –
Лишь на одно воскресение
Сделал тебя я женой.

Радости неповторимые
Нам испытать довелось...
Вместе не жить нам, любимая,
Как, между прочим, и врозь.

Любовь

* * *

Не зима ли наступила – погляди,
Или птицы опустились на луга?
Что-то острое толкается в груди.
Словно лодка в осипные берега.

Мы плывем с тобой – не видно ни черта.
Поразмыты очертанья берегов.
У любовной лодки низкие борта
И к тому же нет спасательных кругов.

Указующего нету нам перста,
Потому у нас к великому посту
За спиной сожженных двадцать
два моста,
Ежегодно мы сжигали по мосту.

За окошком на берёзе – снегири,
На окошке от мороза – вензеля.
Не зима ли наступила – посмотри,
Или птицы опустились на поля?..

* * *

«Мы с тобой бесполковые люди...»

H.A. НЕКРАСОВ

Ты шла уверенно и твёрдо.
Ты уходила. Навсегда.
Ты улетала птицей гордой.
Знакомый бомж с опухшой мордой
Сказал: «Вернётся, ерунда!»

Мне стало холодно и жутко,
Но я стоял, смотрел и ждал,
Что ты вернёшься, скажешь:
 «Шутка!»,
Но подоспевшая «маршрутка»
Тебя умчала на вокзал.

Сочувственно всё тот же нищий
Вновь изрекает: «Ерунда,
Таких, как эта, будут тыщи!..»
Ты ошибаешься, дружище,
Такой не будет никогда!..

* * *

Тепло твоих печальных глаз
Мне душу лечит.
Я буду помнить день и час
Январской встречи.

Была расстелена тахта,
Дразня, конфузя.
Я снял с колен твоих кота
По кличке Кузя.

Прошёл с той встречи ровно год —
Какая малость! —
Ушёл из дома черный кот,
Тахта осталась.

Остались кресло, стул и стол,
Стаканы, блюдца.
Вчера и я ушёл. Ушёл,
Чтобы вернуться.

Тепло твоих печальных глаз
Мне душу лечит...
Благословляю день и час
Январской встречи!..

* * *

Я свет увидел на Покров,
Мне завтра день рождения.
Найдите пару тёплых слов,
Прошу вас, для Евгения.

Он бесконечно любит вас,
В душе его пожарище.
Найдите пару тёплых фраз
Для этого товарища.

Он в ваш двухкомнатный мирок
Был вхож, как говорится.
Вот он опять на ваш порог
Ступил... Чтобы проститься.

Он будет плыть по воле волн,
И дней так через триста
Его побитый углый чёлн
Найдёт в тумане пристань.

Разбив о камни душу в кровь,
Он громко крикнет: «Люди,
Скажите, где моя любовь?..»
Ответом – эхо будет...

* * *

Стынет осень. Бабье лето
Провожаю, не скорбя.
Третий месяц ни ответа,
Ни привета от тебя.

Александра Кочеткова
Не читаю, гложет стыд.
На дверях моих подкова
Вверх тормашками висит.

Усмири свой гонор женский,
А не то я в Слободу
В монастырь Преображенский
Вслед Галюдкину* уйду.

Ты же – долгими ночами,
Боль души топя в вине,
Будешь вздрагивать плечами
И пророчить беды мне.

И в одну из этих ночек
Соберёшься на вокзал...
Напиши мне пару строчек,
Напиши, чтобы встречал!

*Галюдкин В.И. – поэт

* * *

Мои следы стирает выюга,
Твои – прилив морской волны.
Я еду с севера, ты – с юга,
Мы скоро встретиться должны.

На циферблат смотрю украдкой,
Боясь замедлить ход часов.
Болит под левою лопаткой, –
Ах, эта смена полюсов!

Звенят на столике тарелки,
В стаканах плещется коньяк.
Последний круг минутной стрелки
Не завершается никак.

«Со светофором всё в порядке!» –
У проводницы стаж сто лет...
Уходит боль из-под лопатки.
Уйдет ли? Думаю, что нет...

* * *

Я не буду ни строгим, ни ласковым,
И ревнивым не буду теперь.
Улетела любовь моя страстная
Тихой ночью в открытую дверь.

На железной решётке балкона
Всюду – перья жар-птицы –
 точь-в-точь.

Рядом с дверью висела икона,
Охранявшая нас в эту ночь.

Ты во сне улыбнулась чему-то,
Не подруга, не мать, не жена.
Этот год пролетел, как минута,
Всколыхнув мою душу до дна...

Я не знаю, кому на погоны
Возлагаешь ты руки теперь...
Ты не помнишь название иконы,
Охранявшей открытую дверь?..

* * *

Задеваю свечу,
Вида сомкнутость век.
Еле слышно шепчу:
«Спи, родной человек».

Светит месяц-рожок –
Друг ночных сторожей.
Ты устала, дружок,
От моих виражей.

Подожди, не вяжи
Мне на сердце петлю,
Все мои виражи
Оттого, что люблю.

Слишком часто меня
Жизнь толкала на дно...
Наготою дразня,
Светит месяц в окно.

Отключаю звонок,
И эпоху, и век.
Спи, храни тебя Бог,
Дорогой человек!..

Маргарита и мастер

Маргарита, я не мастер
Любоваться свысока,
Как собрат мой белой масти –
Гусь – стремится в облака.

Видишь, птица чистит перья,
Проверяет крепость крыл...
Маргарита, в подмастерья
Бог меня позвать забыл.

Впрочем, я не Маяковский,
Да и ты не Лиля Брик...
Где проспект шумит Московский,
Маргарита, слышишь крик?

То не кречет и не кочет,
Это твой знакомый гусь,
Облетая землю, хочет
Приземлиться там, где Русь.

Но такой державы нету,
Хоть других держав не счасть.
И разносит он по свету
Не благую эту весть.

Он летит под звёздным платом
Прочь от дома своего.
Воланд с Понтием Пилатом
Очень рады за него...

Не боюсь ни солнц, ни лун я,
Но тревожит лишь одно,
Что ты, гордая летунья,
Не влетишь в моё окно.

Маргарита, тридцать тысяч
Просит дядька с долотом,
Чтоб тебя из камня высечь,
А меня – на камне том!..

9.05.06

Зимние грёзы

Сестре Тане

Опять морозы завернули,
Опять белым-белы снега,
А ты мечтаешь, как в июле
Поедешь снова на юга.

На муженьке своём постылом
Поставлен крест, ушла любовь.
За что же первый раз побил он?
Кажись - за мамку, за свекровь.

А и делов-то – попросила
Пореже в гости приезжать...
Сначала – в рёв, потом простила, -
Куда деваться, мать есть мать.

Потом все планы и задумки
Вдруг отошли куда-то в тень.
Потом прикладываться к рюмке
Привыкла каждый божий день.

Потом... В немыслимом разгуле
Свистит за окнами пурга,
А ты мечтаешь, как в июле
Поедешь снова на юга.

Не дай нам Бог!

Матери К.И.Гусевой

Я вижу свет на самом окоёме,
Зовёт к себе он, словно человек.
Горит лампада в деревенском доме,
Где доживает женщина свой век.

Я поменял грунтовую дорогу
На сто больших асфальтовых дорог.
Я в сорок лет вдруг начал понемногу
Осознавать, что есть на свете Бог.

Я к этой вере шёл через ошибки,
Через крутой душевный перелом.
Я в сорок лет вдруг вспомнил
 без улыбки,
Как осеняла мать меня крестом.

Я не кляну свои земные галсы
И никого на свете не виню.
Я в сорок лет вдруг сильно испугался,
Что не успею к вечному огню.

Любовь

Стою один в неосквернённом храме,
Не в силах трепет сердца побороть.
Горит свеча. Я возвращаюсь к маме.
Я ей скажу: «Храни тебя, Господь!»

Я прочитаю новые стихи ей,
Она тепло посмотрит на меня...
Не дай нам, Бог, застигнутым стихией,
Не дотянуть до вечного огня!

Спасибо вам!

От глупых распрай и обид
Живу разбитый и усталый.
«Душа к спасению болит!» –
Сказал один ученый малый.

Ваш прочный замок, ваш гранит
Мне не разрушить, к сожаленью.
Но если так душа болит,
То очень может быть – к спасенью.

Я не беру любовь в кредит
И не жонгирую словами.
К спасенью, что ли, так болит
Душа, разбуженная вами?

Уют мой вдребезги разбит,
А вы прошествовали мимо.
К спасенью, может быть, болит
Душа, но боль невыносима.

Пусть бог вас, милая, хранит!
Ушло в предзимье бабье лето...
К спасенью, видимо, болит
Душа. Спасибо вам за это!..

Татьянин день

Утихло, но не отболело.
Рассудок с чувством не в ладу.
В Татьянин день к тебе несмело
Морозным вечером приду.

На два коротеньких звоночка
Ты мне откроешь дверь: «Входи,
Вот это – муж, а это – дочка!»...
И станет холодно в груди.

«Танюше – год, а муж – учитель
В одной из наших средних школ»...
Сниму шинель, фуражку, китель
И сяду за накрытый стол.

Супруг, приветливый мужчина,
Достанет новенький баян,
И мы – весомая причина! –
Поднимем рюмки за Татьян.

Замечу – ты похорошела.
Оденусь, выйду за порог...
Утихло, но не отболело.
...В Татьянин день – такое дело! –
Я не прийти к тебе не мог...

Приметы времени

Раньше здесь громоздились бараки,
А теперь – небоскрёб, как торос»...
Говорят, наступил год Собаки.
Где же ты, беспородный мой пёс?

Выходи, если жив, бедолага,
Покажись на глаза, «меньший брат»,
Почему не встречаешь, дворняга,
Как бывало три года назад?

Никаких здесь примет не осталось,
Лишь безногий мужик у пивной.

– Как проходит счастливая старость?
– Помирать буду этой весной!

– А Карат?
– Схоронили Карата!..

Жаль калеку, но чем тут помочь?
От «весёлых» речей и от маты
Ухожу, дав полстольничка, прочь.

Что готовят мне звёздные знаки,
До сих пор я никак не пойму...
Говорят, наступил год Собаки.
Пусть не будет он годом Муму!

1994

Глава VII

*«Вдали от всех парнасов
И мелочных сует
Со мной опять Некрасов
И Афанасий Фет»*

Владимир СОКОЛОВ

ДУША РОССИИ

А.С. Пушкину

Как громко матушка кричала,
И как отец не прятал слез,
Когда потомок Ганнибала
Пришел в сей мир любви и гроз!

Глаза, и волосы, и брови,
И тонкость рук, и смуглость век –
Ну арапчонок кровь от крови,
И всё же – русский человек!

Гордись, ликий, страна Россия,
В твоей столице майским днём
Родился гений и мессия,
Пророк в отечестве своём.

В пути, в движении великом
Два века – пунктик небольшой,
Шажок... Поэт был тёмен ликом,
Но светел русскою душой.

И хоть кого бы ни спросил я,
Любой ответит не спеша,
Что в этом имени – Россия,
Ее бессмертная душа!..

Смерть поэта

«А он, мятежный, ищет бури...»
М.Лермонтов

У Перкальской скалы, над которой
Грозовых облаков круговерть,
Смерть была и нелепой, и скорой,
И ненужной была эта смерть.

Плыл Машук в океане воздушном.
Говорили: «Погиб молодым,
Правда, был он зело непослушным,
Был он дерзким, насмешливо-злым».

Князь Васильчиков с юным корнетом,
Отмеряя пятнадцать шагов,
Говорили: «Великим поэтом,
Ровней Пушкину стать он готов»...

Полк Тенгинский склонился в печали,
На убийцу наложен арест...
Как тревожно и скорбно звучали
Колокольные звоны окрест!

Догорят поминальные свечки,
Отпют панихидный псалом...
От Перкальской скалы к Чёрной речке
Покатился раскатистый гром.

Н.А. Некрасову

«*В России быть поэтом – приговор,
но если быть поэтом – так в России».*

E.Евтушенко

Что, Николай Алексеевич, видится
Вам в этот час, в этот день, в этот год?
Вам бы на братьев по цеху обидеться,
Мол, поубавилась боль за народ.

Вы, Николай Алексеевич, здешнего,
Нашего склада ума и души.
Ах, как писалось в Карабихе, в Грешневе,
В этих оазисах русской глупши!

Нам, Николай Алексеевич, много ли
Надобно? Душу бы, душу сберечь!
Есть у России Белинские, Гоголи,
Есть наша гордая русская речь!

Да, Николай Алексеевич, живы мы
Верой в страну, а не адскую прыть,
И никакими послулами лживыми
В нас эту веру не смять, не сломить.

Вам, Николай Алексеевич, хмуриться
Надо ль в лихие сии времена?..
Есть в Ярославле Некрасова улица,
С улицей Пушкина рядом она!

Жизнь поэта

*«Ни страны, ни погоста
Не хочу выбирать...»*

И.Бродский

Живу на Вудбридж-авеню
В старинном доме номер сорок.
Садясь к каминному огню,
Беру бумаги целый ворох.

Кот Миссисипи, старый плут,
Гоняет рыжих белок в роще.
Эдвина Круз бывает тут,
Бельё и новости полощет.

Пельмени ем и виски пью,
На механической машинке
(Компьютер я не признаю)
Стихи, эссе или статью
Стучу, как дятел, по старинке.

Мой развалюха «Мерседес»
Небесно-кремового цвета
Стремглав несет в луга и лес
Русскоязычного поэта.

Идея съездить в Ленинград
Пока не выглядит гуманной –
Вон как взволнованно глядят
Жена Мария с дочкой Анной.

Концерт по телику смешной,
Но мне чего-то не до шуток...
Мосты разводят над Невой
В России в это время суток.

В музее поэта

*«Все умрём, но есть резон,
В том, что ты рождён поэтом».*
H.Рубцов

В музей творца убитого –
Наплыv юнцов...
В шарфе Андрея Битова
Стоит Рубцов.

Заботою литфондовой
Не окружён,
С улыбкой джиокондовой
Стоит «пижон».

У стихотворца с лысиной
В глазах печаль.
С улыбкой монализиной
Глядит он вдаль.

«Стиляга» неприкаянный –
В шарфе в теплынь –
Глядит, как пляшут кайны
Вокруг святынь.

У старой колоколенки
Гундосит дед:
«А под пальтом у Коленьки
Рубашки нет!..»

Эх, песнями неспетыми –
Какая грусть! –
Да нищими поэтами
Богата Русь...

Чаянная радость

*«А я – совсем не хорошенъкая
И, вообще, Поэтка».*

Юнна Мориц

Взял я вечером в кровать
Сборничек Поэтки, –
Глядь – уже пора вставать.
Гомонят соседки.

Всем известные с утра
Запахи и звуки...
Ну зачем я взял вчера
Сборник этот в руки!

Думал, сон меня сморит,
Сникну, стихотворец...
Я забыл, смешной пиит,
Что читаю Мориц!..

Божий бич

В.Галюдину

У отмеченного Богом
Беспокойная душа...
Среднерусский гумус рогом
Роешь, горькую глуша.

Божий бич тебе не страшен,
Сам ты, парень, Божий бич.
Выпендреж крутых нью рашен
Не дано тебе постичь.

Ты поэт, каких немногого,
Ты на многое горазд.
Попроси, чудак, у Бога
Избавления, он даст.

Впрочем, надо ль избавленье,
Ведь на трезвую башку
Не родишь стихотворенье
С посвящением дружку.

Только помни, друг Василий,
Ты – поэт, и суть – пророк...
А для пишущих в России
Пьянство – рок, а не порок.

Памяти К. Хетагурова

(К 100-летию со дня смерти)

«Не русский я, но россиянин...»

Мустай Карим

В стране орлов и горных туров,
Где воздух свеж, вода чиста,
Родился мальчик – Хетагуров,
Поэт по имени Коста.

Еще не знал окрестный житель,
Что рядом с ним в ауле Нар
Рожден народный просветитель,
Несущий в сердце Божий дар.

И вскоре будущий художник,
И публицист, и драматург,
Искусства основоположник
Учиться едет в Петербург.

Пройдя тернистые дороги,
Он, не богатый человек,
Живя без чьей-либо подмоги,
Взошел на творческий Казбек.

Он пел без модных выкрутасов,
Не сторонясь народных бед,

А как же – Лермонтов, Некрасов
Ему смотрели строго вслед.

Он не был в роли демиурга,
Зато в нужде бывал не раз...
Душа звала из Петербурга
Неудержимо на Кавказ.

Прощайте, серые громады,
Привет, страна любимых гор!
Как все поэту были рады!
И лишь одна отводит взор.

Но лишь она одна желанна,
Одна зовёт лишь за собой...
Не свяжет Цаликова Анна
Свою судьбу с его судьбой.

Гоня душевную усталость,
Он не плутал в житейской мгле.
«Скорбящим ангелом» осталась
Попова Анна на земле.

В его поэмах и полотнах
Бушует жизнь, любовь и страсть,
Но власть на это не охотно
Глядит, – на то она и власть.

Опала, ссылка, возвращенье...
С рожденья милые места,
Как свет, как символ вдохновенья
Носил в душе поэт Коста.

Он не был льстивым златоустом,
Не слыл светилом из светил, —
На осетинском и на русском
Он пел, как Бог ему судил.

Он был открытым и свободным
Для честных, искренних сердец,
Он был поистине народным —
Поэт, художник и борец.

Его судьба неповторима,
И входят в двадцать первый век
Его прекрасная «Фатима»,
«Перед Судом», «Се – человек».

Не нахожу я иноверца
В себе, и мысль моя чиста,
Когда читаю «думы сердца»
Поэта с именем Коста!

Ван Гог

Он был, конечно же, чудак.
Любил, творил и жил он странно.
Его поехавший чердак
Сердил Гогена и Сезанна.

Курил он трубку, был он рыж,
Любил Дега и Монтичелли.
Не знал ни Лондон, ни Париж
Его масла и акварели.

Худой голодный арльский Лель,
Он пьёт вино, а в горле сухо.
Возьми же, глупая Рашель,
Его отрезанное ухо!

Зачем стреляться в тридцать семь, —
Вон как стрижи над полем выются!..
Но в тридцать семь дано не всем
Уснуть, чтоб гением проснуться.

Художник в Карабихе

В.Багдасарьяну

Таланты не по графику
Распределяет Бог...
Поэзию и графику
Соединить ты смог.

Вновь вижу местность тихую,
Деревья над прудом,
Мосточек над Гремихою,
Старинный барский дом.

От солнышком согретого
В июльский жаркий день
Пристанища поэтова,
Дрожа, ложится тень.

Всё просто, но загадочно:
Не кисть, а карандаш
Так ярко, многокрасочно
Передаёт пейзаж.

Искристое шампанское
Пью за тебя, друг мой
С фамилией армянскою
И русскою душой!..

15.04.06

Художник

О.П.Отрошко

Рисуй, твори, художник,
Пиши в тиши, в глухи,
В подснежник, в подорожник
Вдыхай весь жар души.

Рисуй стога и вишни,
Ворону на столбе,
Рисуй, пока Всевышний
Не требует к себе.

Рисуй потоки света,
Дорогу, Божий храм.
Тебе зачтётся это
И на земле, и там!..

**Художнику Ю.И. Арущеву,
автору монограммы «ЕГ»**

Творец, твоё воображенье
Достигло горней высоты, –
Любовь, талант и вдохновенье
Сполня явил в рисунке ты.

Две буквы – вензель, монограмма –
В них отголосок старины,
В них целой жизни панорама
Того, кому посвящены.

С трудом удерживаю чувства,
Когда в домашней тишине
Произведением искусства
Любуюсь в рамке на стене.

Бутон загадочного цвета?
С античностью далёкой связь?..
В воображении поэта
Могла родиться эта вязь.

Нет ни одной детали лишней,
Есть божий дар и мастерство.
Твоей рукой водил Всевышний,
Благословив на волшебство.

Сейчас сей жанр увидишь редко,
Но поразишься, встретив вновь.
Две буквы – вензель, вязь, виньетка.
Две буквы – жизнь, судьба, любовь...

Родители Клавдия Ивановна и Павел Яковлевич Гусевы (1946 г.)

Семья Гусевых (1953 г.)

Фотографии

С няней Таней (1949 г.)

Евгений Гусев (1964 г.)

Евгений ГУСЕВ

С поэтом Евгением Евтушенко

С поэтом Юнной Мориц

Память незабываемых встреч

С Валерием Ганичевым

Память незабываемых встреч

С Игорем Губерманом

С актёром Алексеем Петренко

С директором музея «Ясная Поляна»
Б. И. Толстым

Память незабываемых встреч

С актёром Сергеем Юрским

Евгений ГУСЕВ

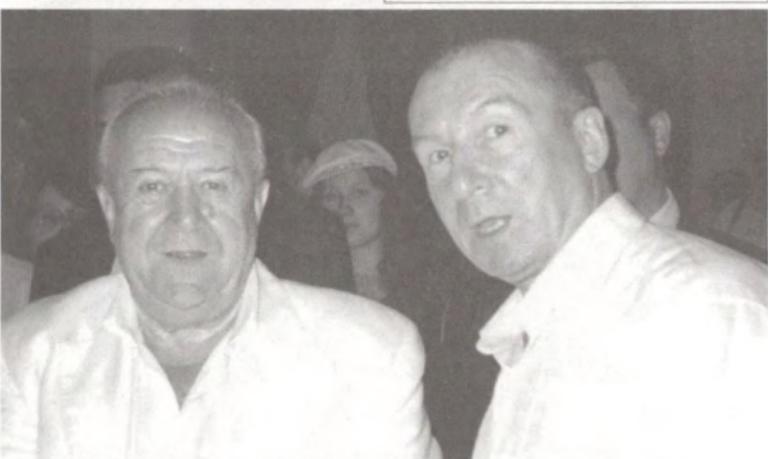

С поэтом и композитором Олегом Митяевым

*С актёром
Александром
Филиппенко*

Память незабываемых встреч

С Александром Розенбаумом

*С актёром
Дмитрием Певцовым*

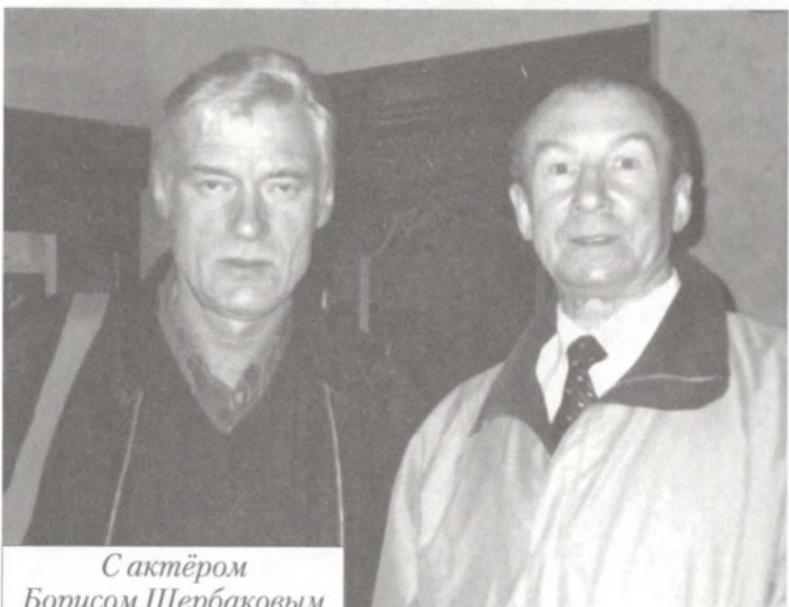
Память незабываемых встреч

С Романом Карцевым

С Александром Малининым

С В.В. Терешковой

С летчиком-космонавтом
Светланой Савицкой и
художником Олегом Отрошко

С космонавтом А.А. Леоновым

*С генералом армии, Героем Советского Союза
Владимиром Леонидовичем Говоровым*

С Сергеем Глазьевым

Память незабываемых встреч

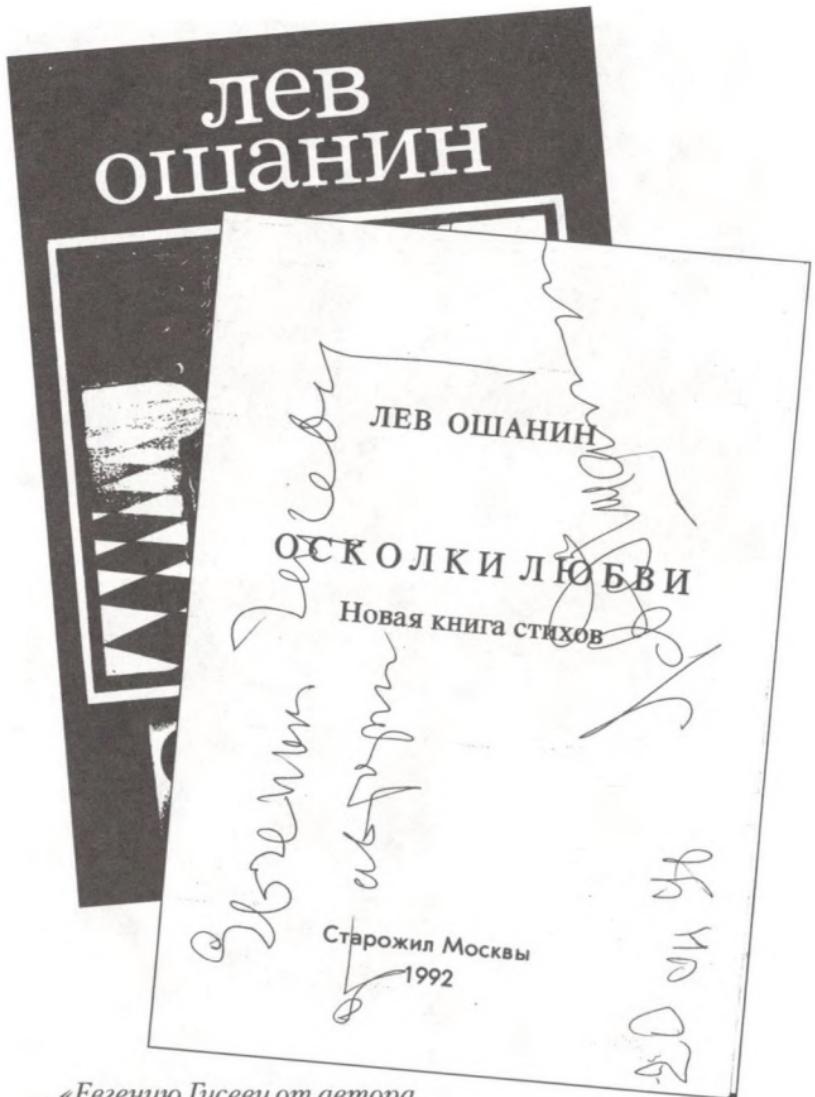

С Сажси Умалатовой

С С. Бабуриным

Евгений ГУСЕВ

«Евгению Гусеву от автора.
Лев Ошанин. 20.04.96»

ЕВГЕНИЙ
ЕВТУШЕНКО

ПАМЯТНИКИ
НЕ ЭМИГРИРУЮТ

СТИХИ
XXI
ВЕКА

Евгений Гусев
дядя - писатель
26.12.05

МОСКВА

2005

26.12.05

«Евгению Гусеву брату-поэту от души.
Евг. Евтушенко. 26.12.05»

БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

МИГ

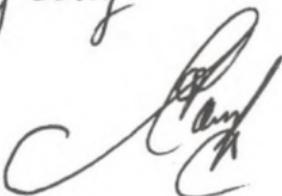
Евгению Гусеву -
с пожеланием
многих успехов -
и в многотрудной
службе, и в том
занятии души,
где один лишь успех
имеет заглавное
значение - вдохновение.

Белла Ахмадулина
20 июня 2002 года

«Евгению Гусеву – с пожеланием многих успехов – и в многотрудной службе, и в том занятии души, где один лишь успех имеет заглавное значение – вдохновение.

Белла Ахмадулина. 20 июня 2002 года».

А Л Е К С А Н Д Р
С О Л Ж Е Н И Ц Ы Н
В
К Р У Г Е
П Е Р В О М
Р О М А Н

Евгению Павловичу
Гусеву

«Евгению Павловичу Гусеву А. Солженицын»

Евгений ГУСЕВ

Ю М
нна Мориц

Евгению Гусеву –
сердечно,
поэтически,
люблёво,
–
Юнна Мориц

10/1
2006

Льону

«Евгению Гусеву – сердечно, поэтически, люблёво, –
Юнна Мориц. 10.01.2006»

Василий Белов

ТАКАЯ

ВОЙНА ...

Евгению Гусеву в
Ярославль от автора
из Вологды
Василий Белов
30 августа
2001 г.

«Евгению Гусеву в Ярославль от автора
из Вологды. Белов. 30 августа 2001 г.»

Люблю читать Гусева
на святой земле,
Некрасова и многое -
всё читал в Таврическом саду

49

АЛЬМАНАХ

1988
ПОЭЗИЯ

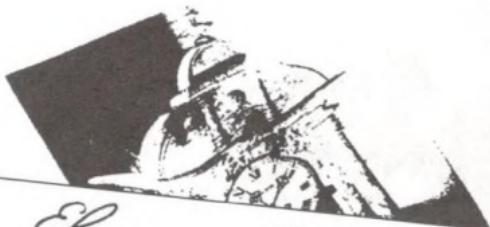
Игорь Ляпин
3.07.89г.

МОСКВА
"МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ"
1988

«Евгению Гусеву на святой земле Некрасова с
пожеланием большого пути в поэзии. Игорь Ляпин.
8.07.89г.»

Владимир СОКОЛ
БЛАГО И БРЕМЯ

Евгению Гусеву!

Стихи – не детские забавы.
И я, без лишней суеты,
Пишу совсем не ради славы,
А для таких людей, как ты.
2/11-2003

В. Сокол

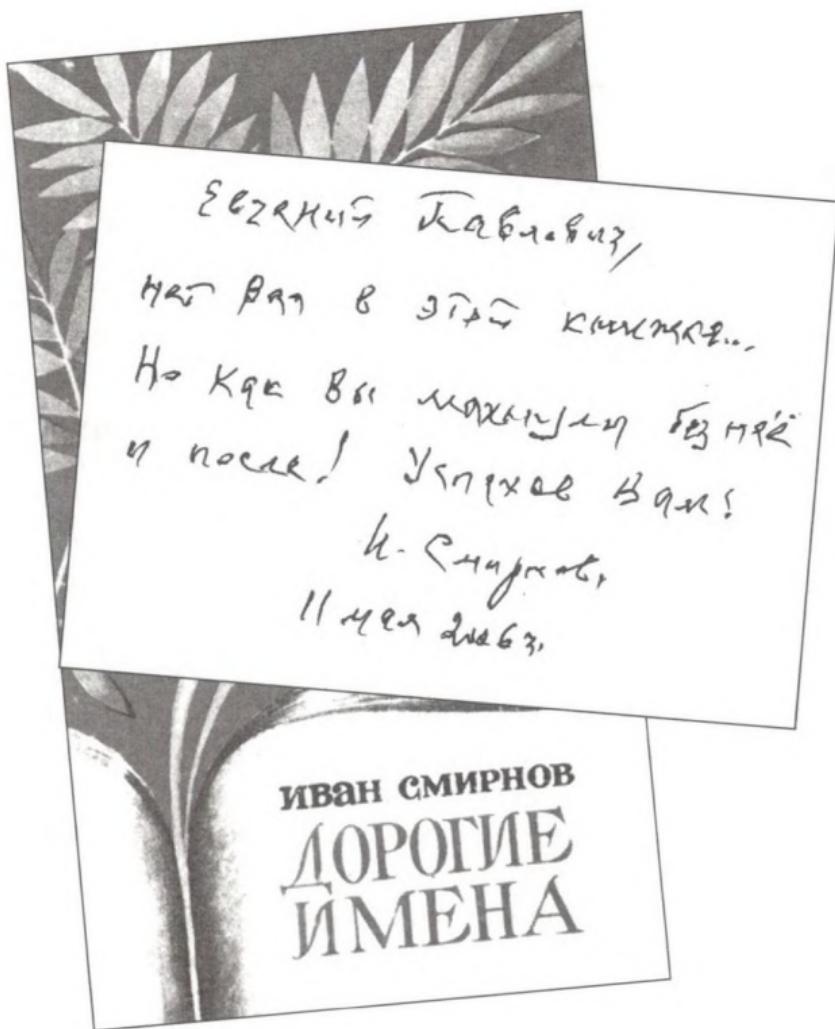
«Евгению Гусеву!
Стихи – не детские забавы.
И я, без лишней суеты,
Пишу совсем не ради славы,
А для таких людей, как ты.
7.02.2003. Владимир Сокол»

«Жене Гусеву –
любимому моему
поэту.
С пожеланиями
далнейших
творческих успехов.
С гл. уважением
С.Аверичева.
13.02.2005 г.
Ярославль».

Жене
Гусеву –
любимому моему
поэту. С пожеланиями
далнейших
творческих
успехов.
С гл. уважением
С. Аверичева
13/II/2005
Ярославль

Автографы

«Евгений Павлович, нет Вам в этой книжке...
Но как Вы махнули без неё и после! Успехов Вам!
И. Смирнов. 11 мая 2006 г.»

Об авторе

Евгений Павлович Гусев родился 15 октября 1948 года в деревне Перекладово под Ярославлем в семье учителя.

После десятилетки – Ярославский Государственный пединститут им. К.Д.Ушинского, учительство в Чувашской сельской школе, служба в роте разведки в Группе Советских войск в Германии. После армии – вновь педагогическая работа.

С 1976 года – сотрудник органов внутренних дел. Сейчас подполковник запаса с тридцатилетним стажем службы – на творческой работе.

Е.П.Гусев – член Союза писателей России, член Союза журналистов России, Заслуженный работник культуры России, лауреат шести творческих фестивалей МВД СССР и России, дипломант литературного конкурса в ознаменование 200-летия МВД России. Успешно занимается переводами с осетинского и греческого. На его стихи написано более тридцати песен профессиональными композиторами. В 2006 году в конкурсе на лучшее музыкальное произведение о Ярославле, посвященном 1000-летию города, песня на стихи Евгения Гусева (композитор Г. Митяев) заняла 1-е место.

Он автор двух десятков книг поэзии и прозы, лауреат Всероссийских поэтических конкурсов им. М.Ю.Лермонтова в 2005-м, им. Николая Рубцова в 2006-м годах, победитель Каблуковских (Тверская область) литературных встреч в номинации «Профес-

Об авторе

сиональный автор». В 2005 году он становится лауреатом областной журналистской премии «За лучший материал в СМИ, освещющий тему патриотического воспитания граждан». Отмечен специальной грамотой журнала «На боевом посту». Имеет Благодарственные письма от Министерства обороны, Министерства внутренних дел, награждён знаком отличия ГИБДД. С 1998 года носит почётное звание «Отличник физической культуры и спорта России». Награждён знаком «За отличную службу в МВД», медалями «За ратную доблесть», «За безупречную службу в ОВД» трёх степеней и другими.

Его имя входит в Энциклопедию МВД России, в Книгу истории ярославской милиции «Служить отечеству честь имею!», в «Антологию сатиры и юмора России XX века». Является членом Международного союза советских офицеров.

За плодотворную творческую работу награждён медалями А.С.Пушкина, М.А.Шолохова, Мусы Джалиля и другими.

Е.П.Гусев регулярно проводит творческие встречи с ветеранами войны и труда, студентами и учащейся молодёжью. Часто выступает в библиотеках и школах, госпиталях и реабилитационных центрах, воинских частях и военных училищах, подразделениях милиции и юстиции, печатается в местной и центральной прессе. На областном радио ведёт рубрику «Писатели земли Ярославской», редактор журнал-газеты «Творческий Ярославль».

Книги Е. Гусева

Содержание

Предисловие. ЖИЗНЬ, СУДЬБА, ЛЮБОВЬ	3
Глава I. ГОРОД	7
Глава II. ДЕТСТВО	14
Глава III. ТВОРЧЕСТВО	21
Глава IV. СОН	28
Глава V. СТАРИКИ	34
Глава VI. ЛЮБОВЬ	41
Глава VII. ДУША РОССИИ	63
Об авторе	108
Книги Е. Гусева	110

Евгений ГУСЕВ
**КУПОЛА
БОГОЯВЛЕНИЯ**

Издательство

•ЛИЯ•

Ярославль, 2006 г.

Формат 70x100/32. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Объем 7 печ. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 0620290.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

